

*Моим космическим шелкопрядам –
Чарли, Сильви и Оливеру Блю
и всем неприкаянным картографам во всем мире,
эта книга – для вас*

Часть первая

ВСЕ РАЗБИТО

*Воображение – это всё. Это предварительный
показ предстоящих событий в жизни.*

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

19 мая 1973 года, суббота

ВСЕ НАЧАЛОСЬ ЗДЕСЬ: в день, когда разрушился мой мир, мы сидели в спальне Старлы и смотрели Soul Train¹. Внешне это было самое обычное субботнее утро... в смысле, все *казалось* нормальным. Но не тут-то было. В этой игре я задаю правила...

После традиционного завтрака с блинчиками мы заняли излюбленные места: Старла сидит, скрестив ноги, на рубиново-красном ковре с толстым ворсом, наклеивая серебристые стразы на джинсы — готовится к какому-то конкурсу дизайнеров. Я покачиваюсь поплавром на ее водяном матрасе, пролистывая новый номер журнала «Interview», который ей не терпелось мне подарить.

Мы молчим, погружившись каждый в свой мир, дожидаясь, когда по телику начнется «церковь»... По крайней мере, наша версия ее: Soul Train. Так повелось с прошлого года, когда Старла затащила меня на первый в моей жизни концерт Зигги

¹ Американская музыкальная телепередача, выходившая в эфир с 1971 по 2006 год. В программе в основном выступали исполнители музыки в жанре ритм-н-блюз, соул и хип-хоп.

Стардаста¹ — и это было просто *вау*: он напрочь вынес мне мозг. Может, даже буквально. На нем было обтягивающее леопардовое трико и ботинки на гигантской платформе, он возвышался над нами этакой башней. Лицо покрывали белая пудра и грим с блестками, а волосы горели цветом новенькой пожарной машины, и — трам-бам-тарарам — я *родился заново*.

В какой-то момент он приложил козырьком ладонь ко лбу, просканировал взглядом аудиторию и запел «Starman» — «Звездного человека», — глядя прямо на меня. Клянусь, его голос разбил душу вдребезги, и в тот момент во мне отплясывал сам Святой Дух. После Старла говорила: *«Иисус творит чудеса самими таинственными способами! Он являет Себя во всем, стоит только присмотреться. Может быть, Зигги — твой мессия»* — и вытирала слезы с моих глаз.

С тех пор она решила, что музыка — моя религия. Поэтому каждую субботу мы зависаем в ее спальне и смотрим Soul Train. (Наконец-то нашлась церковь, которую я готов поддержать.) До начала осталось десять минут. Обратный отсчет...

Телевизор приткнулся в углу на столике с колесиками: всюю хрустит рекламой детских хлопьев к завтраку.

Окно распахнуто, порыв липкого ветра, созданный трехминутным ливнем, влетает в комнату: типичная сент-луисская весна. Ветер сморщивает лица, которыми облеплены стены в комнате, заставляет их петь, смеяться, болтать, обсуждая политическую бурю. Вырезанные портреты братьев Джексонов, Иисуса, Коко Шанель, «Power to the People»² и все ее героини со времен Рож-

¹ Вымышленный персонаж Дэвида Боуи, центральная фигура его глэм-рок-альбома *The Rise and Fall of Ziggy Stardust and the Spiders From Mars*. Это бисексуальный андрогинный человекоподобный марсианин, который пытается подарить человечеству послание надежды в течение пяти лет, которые он провел на Земле.

² Песня Джона Леннона и политический лозунг шестидесятых.

дества Христова — от Жанны д'Арк до Джоан Баэз¹, от Анджелы Дэвис² до Твигги³. Ах да, и вставленные в рамки портретики ее тайной любви, Донни Осмонда⁴. Да, серьезно!

Роберта Флэк⁵ льет тягучий мед из колонок проигрывателя, Старла поет: «Killing Me Softly...»⁶ Она и у себя в церкви поет в хоре, но голосок... ну, э-э-э... не то чтобы ангельский. Радость моя. Старла. Лучшая подруга на все времена. Люди думают, что мы сладкая парочка — пусть. Так безопаснее...

И да, Старла — ее настоящее имя. Ну, типа настоящее. При рождении ее нарекли Ди-Ди Люсиндой Джексон. Но моя милая подруга рассказывала, что однажды ночью в возрасте пяти лет увидела сон, где явился Иисус и сказал: «*Ты, девочка, со звезд и пришла сюда, чтобы исцелить мир*». Тогда она заставила маму и папу поменять ей имя на Старлу. Я считаю, оно космически совершенно, как она сама, и очень подходит, потому что лицо ее покрыто целой галактикой веснушек. Клянусь, без нее я бы давным-давно самоуничтожился, расплывшись на миллион микро-Джонатанов.

«*Силовые поля бывают самых разных форм*», — вот что ответила мне доктор Эвелин пару лет назад, когда я рассказал, что Старла — вроде как мое силовое поле.

— «With His Song... о-о... о-о... о-о-о...» — тянет она.

¹ Американская певица и автор песен в стилях фолк и кантри, левая политическая активистка.

² Американская правозащитница, коммунистка, социолог, педагог и писательница.

³ Британская супермодель, актриса и певица

⁴ Американский певец и актер, кумир американских подростков 1970-х; начал карьеру как участник музыкальной группы The Osmonds.

⁵ Американская соул-певица, известная исполнением джазовых баллад «The First Time Ever I Saw Your Face», «Killing Me Softly With His Song» и «Feel Like Makin' Love», за которые получила несколько наград «Грэмми».

⁶ Песня Фокса и Гимбела «Killing Me Softly with His Song».

О-о-о-о-о! Благослови ее, Отче, не ведает она, что творит. Однако Старла милашка: волосы приглажены и убраны под оранжевую косынку, кончик языка выглядывает из уголка рта, подкрашенного мандариновой помадой. Похожа на закат.

Снова утыкаюсь в журнал «Interview». Листаю страницу за страницей: чьи-то странные, неразборчивые беседы, репродукция новой картины Энди Уорхола — портрета Мао Цзэдуна, экстравагантные фото полуобнаженных женщин, раскрашенных неоновыми пальчиковыми красками, а потом...

Ой...

Три слова бьют меня в лицо:

«ГЕЙ — ЗНАЧИТ ХОРОШИЙ!»¹

И несколько длинноволосых мускулистых мужчин, танцующих вместе.

О!

На самом деле.

По какой параллельной вселенной колесят эти длинноволосые торчки? Явно не по этой. Не по Миссури. Не по нашему сломанному городишке Крев-Кёр. Нет, тут бы эти парни отправились напрямиком в тюрьму. Или в дурку. А то и похуже... Поверьте, я знаю...

Но, бог мой, они танцуют. И целуются! И улыбаются с такой силой, что эта улыбка торпедой вылетает сквозь страницу, вышибая из меня дух...

Я тону в этой картинке.

Ухают басы. «Привет-привет, Джонни Коллинз, рад, что ты наконец вышел поиграть, поиграть, поиграть». Его усы щекочут мою щеку. «Прости, что так долго, радость моя, — говорю я. — Так много вечеринок, так мало времени, смекаешь?» Его руки окружают меня.

¹ Девиз, предложенный Фрэнком Камени в 1960-х по аналогии с девизом борющихся за свои права афроамериканцев: «Темнокожий — значит прекрасный».

Пот стекает по его груди, склеивая нас вместе. Мы целуемся со всей страстью, словно не можем насытиться, словно нам всегда мало...

— Эй! Ты слышишь меня?

Это Старла.

Рывком захопываю журнал, с грохотом возвращаюсь в наш мир.

— Что?

— Ты опять отключился.

— Нет!

— А я говорю: отключился. Ты норм? — Ее глаза прищуриваются, сканируя меня. Та самая безумная зелень, напоминающая два кусочка уранового стекла под черным светом¹.

— Все в порядке.

— Ты слышал, что я говорила?

— Ничего. В смысле, не слышал. А что?

Все время так. *Отключки*. Тетя Луна как-то сказала: «*Воображение — это безопасное пространство, спасательная капсула, уносящая в другое измерение, где можно свободно существовать*». А еще, что такого неудержимого воображения, как у меня, никогда не встречала. Вообще, она окончательно поехавшая хиппи, так что не знаю... Однако в чем-то это правда, и действительно работает, потому что меня то и дело уносит в собственное воображение. Туда, где безопаснее всего. Что угодно, лишь бы смыться из этой реальности.

— Садись поближе, — говорит Старла, снова занявшись клеевым пистолетом. — Хочу поболтать.

— Секунду...

Шевельнуться не получается. Ага. Стояк просто сверхъестественный. Проклятье. А еще жжется и даже, кажется, шипит.

¹ Лампа черного света, или лампа ультрафиолетового света, излучает почти исключительно в наиболее длинноволновой («мягкой») части ультрафиолетового диапазона. Красители, флуоресцирующие в свете лампы, используются в индустрии развлечений для создания спецэффектов.

Как оборванный электропровод. (Вечные побочные эффекты от процедур доктора Эвелин. Скоро расскажу подробнее.) Но все сразу точно никому не годится.

Старла ничего не замечает, увлеченная стразами. Сворачиваю журнал в трубочку и сую в задний карман. Потом спрячу в чулане: эти парни окажутся погребены под стопкой номеров National Geographic на веки вечные. Там им самое место: подалее от чужих глаз, где никто не найдет.

Я осторожно выпрямляюсь, ужом сползаю с кровати, хватаю карандаш, какой-то первый попавшийся листок и начинаю рисовать, чтобы отвлечься. Знала ли Старла, что там такая статья? Не потому ли хотела поскорее подарить журнал мне? Нет. Она знает, как я отношусь к этой болезни.

— Почему тебе так нравится рисовать мои веснушки? — спрашивает она.

— Что?.. А-а... Потому что они восхитительные.

— Терпеть их не могу. Чувствую себя прокаженной. О-о-о-о-о-о... — продолжает напевать Старла.

— Смеешься? Это твоя самая классная черта. Ты похожа на ходячее ночное небо.

— Ты неисправим, — фыркает она, приклеивая очередной страз, часть теперь уже очевидного пацифика¹ на левом заднем кармане.

Нахожу местечко на ее щеке и открываю новое созвездие.

— Гляди-ка, только что нашел крошечную Большую Медведицу!

— Ах, Джонни-Джонни-Джонни...

— Ох, Старла-Старла-Старла...

— И что же я буду без тебя делать!

— А?.. — перестаю рисовать.

¹ Международный символ мира, разоружения, антивоенного движения.

Она не отвечает. Только оставляет в покое джинсы и ставит иглу проигрывателя в начало записи. Роберта Флэк снова каплет медом.

— Старла!

Она молча поворачивается к телевизору, начался Soul Train.

— В каком смысле «без тебя»? — спрашиваю я, хватая ее за ладошку, всю липкую от клея.

— Я просто... не знаю... Я буду скучать по тебе, вот и все.

— Так я ж никуда не еду, — недоумеваю я.

— Ты — нет, — отвечает Старла, поворачиваясь ко мне. — Еду я.

Все портреты на стенах одновременно ахают.

— Что? Куда?

— На лето. В округ Колумбия. Маме предложили работу преподавателя, и папа хочет, ну, чтобы я побольше узнала о движении и все такое. Я все собиралась тебе сказать, но...

— Так, значит... — Я не знаю, что ответить, поэтому повторяю: — Так, значит...

— Я понимаю...

— Правда?

— Правда.

— Ага...

Нет. Быть этого не может. Я не проводил без Старлы ни одного лета с тех пор, как случилось ЭТО. Меня повело: мир кружится вокруг нас, точно торнадо, а мы, склеившись ладонями, сидим в его центре. Закрываю глаза.

— Ты как, нормально? — спрашивает она, вытирая мне слезы. Вот как, а я и не почувствовал, что плачу!

— Конечно, — отвечаю я, натягивая на лицо фальшивейшую из всех возможных улыбку. — Рад за тебя. Просто буду... скучать по тебе... понимаешь...

Она приподнимает мой подбородок.